

кафедр и при помощи рукописных посланий и поучений. Суеверный обычай причислен был к кощунским и строго преследовался наравне с чернокнижьем верующих «в рождение месяца, и в наполнение (полнолуние), и в ветох (ущерб), и в переходныя звезды, и во злые дни и часы ...Поучение, обличающее... древнюю веру в... чох, сопоставляет ее с верою в недобрые встречи в пути и во птичий грай»¹³. То есть существовал целый ряд примет, пожеланий, связанных с чохом и входивших в систему языческих верований. Но Буслаев не верит «ни в сон, ни в чох», как демонстративно не верит в культ мертвых: пинает «пустую голову — человечью кость», в ответ на ее предостережение «плюет». Встречая на пути могильную плиту¹⁴, «скачет» через нее, причем прыгает «вдоль по камню» и, конечно, погибает:

И тут убился под камнем.
Где лежит пустая голова,
Там Василия схоронили.

Василий Буслаев веселится там, где не положено, — «тешится-забавляется» на могиле. Это поступок антиобщественный, попирающий народное почитание умерших, и одновременно сатанинский, кощунственный, если квалифицировать его с церковной точки зрения. Иными словами, неверие Буслаева «в сон и в чох», вообще отрицание народных верований переплетено у него с христианским богохульством. Он погряз в кощунстве. Признавая существование бога, он фактически отрицает его силу. Веселье эпического Василия Буслаева напоминает веселье отрицательного персонажа церковно-христианской литературы.

Т. Н. ЯКУНЦЕВА

Свердловск

СПОР О «СТАРОЙ» И «НОВОЙ» ПЕСНЕ

(из истории фольклористики конца XIX века)

Проблема происхождения жанра всегда была одной из важнейших в советской науке о фольклоре. Выявить и объяснить причины возникновения, формы проявления нового в народном творчестве всегда очень трудно, особенно если речь идет об изменении художественного вкуса русской деревни во второй половине XIX века.

¹³ Крылатые слова по толкованию С. Максимова. М., 1955, с. 352 — 354.

¹⁴ Встречающийся на пути Буслаева камень — это, по мнению В. Я. Проппа, могильная плита. «По дохристианским верованиям мертвые имели силу увлекать за собой живых, поэтому нельзя было переступать через покойника или его могилу. Особенно опасно перешагивать через могилу вдоль нее. Покойник всегда идет прямо и не может сворачивать в сторону. Тот, кто окажется на этом пути покойника, будет им схвачен и увлечен в царство смерти»; череп, попадающийся на пути Буслаева, «есть олицетворение смерти» (*Пропп В. Я. Русский героический эпос*, с. 474 — 475, 471).

В пореформенное время песенные жанры русского фольклора переживают существенные изменения. Идет процесс постепенного вызревания в недрах традиционной песенной лирики новых эстетических канонов. Происходит он вследствие глубоких перемен в общественной жизни России после реформы 1861 года. Исследуя процесс развития капитализма на русской почве, В. И. Ленин отмечал разрушение «прежних узких условий жизни человека», «старинных форм труда», «исконных уз рода, семьи, территориальной общины». В пореформенной России крестьянин отрывался «от патриархальной полукрепостнической семьи, от оупляющей обстановки деревни». В. И. Ленин подчеркивал, что «именно пореформенная Россия принесла этот подъем чувства личности, чувства собственного достоинства...»¹

Вот это яркое осознание человеком чувства собственного достоинства, значительности своей личности в полной мере проявилось в народных песнях конца XIX века, получивших в русской дооктябрьской и советской фольклористике несколько терминологических обозначений: песни новой (или новейшей) формации, городские песни, народные романсы и т. д.² Появление подобных песен в народном репертуаре относится к более раннему времени — XVIII веку, активизация их происходит в конце XIX века. Широкое распространение этих песен связано с капитализмом, изменившим личность человека, осознавшего себя как индивидуума. Обобщенное выражение переживаний традиционной народной песней перестает удовлетворять народ, она трансформируется, параллельно с нею начинают бытовать произведения новой формации.

Далеко не все фольклористы конца XIX века «приняли» новые песни как закономерное явление, считая, что народное песнетворчество регрессирует, идет в нежелательном направлении. В задачу данной статьи входит освещение основных моментов спора о «старой» и «новой» песне и выявление некоторых бытовых реалий новейших песен на материале сборника В. Н. Шишонко «Отрывки из народного творчества Пермской губернии».

Первым в русской фольклористике весьма отрицательно высказался о новейших песнях П. В. Киреевский. Мнение этого выдающегося собирателя народных песен не раз повторялось и разделялось русскими фольклористами прошлого столетия³. В 80-90 годы XIX века среди ученых-словесников начинается длительная дискуссия о «старых» и «новых» песнях, касающаяся дальнейших судеб народного творчества.

Традиционные крестьянские песни, рожденные патриархальной дореформенной деревней, защищают представители официальных

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 433.

² Попытка дать в общих чертах историческое движение одной из групп новых песен — народного романса — была сделана нами ранее (см.: Якунцева Т. Н. О сюжетно-композиционных особенностях народного романса. — В кн.: Фольклор Урала. Свердловск, 1977, с. 41 — 45).

³ См.: Русское народное поэтическое творчество. Под ред. А. И. Новиковой и А. В. Кокорева. М., 1969, с. 376 — 377.

кругов, народники. Они указывают на упадок современной народной поэзии, на исчезновение старых, необыкновенно прекрасных песен и распространение вместо них новых, дурных, городского происхождения. Защитников старого пугает и отталкивает в новейших песнях грубая их форма и столь же грубое, на их взгляд, содержание, оскорбляющие эстетические и нравственные чувства слушателей⁴.

Русское географическое общество с позволения правящих кругов проводит в эти годы ряд специальных песенных экспедиций, целью которых было стремление нейтрализовать «вредное влияние» города на деревню, сохранить во что бы то ни стало песенную старину. Этой же цели отвечало создание при географическом обществе специальной песенной комиссии, во главе которой стал Т. И. Филиппов, человек крайне реакционных взглядов. Одним из пунктов инструкции, которой должны были руководствоваться члены комиссии в своей собирательской работе, гласил: «Записывать исключительно древние напевы»⁵. К такого рода экспедициям относилась и поездка по Вологодской, Вятской, Костромской губерниям Ф. М. Истомина и С. М. Ляпунова в 1893 году. Эти собиратели совершенно преднамеренно и сознательно записывали песни в основном от представителей старшего поколения, песни, соответствующие своим эстетическим вкусам. «Нужно было иметь большой запас терпения, чтобы выдерживать пытку, когда дело не ладилось и песню за песней приходилось браковать, но не прекращать работы в надежде услышать что-нибудь заслуживающее внимания...»⁶ Однако Ф. М. Истомину и С. М. Ляпунову пришлось признать, что городские и фабричные песни, быстро усваиваемые крестьянской молодежью, чаще всего можно услышать в современной деревне.

В это же время в печати появляются выступления собирателей и исследователей новых песен, которые рассматривали изменение художественного вкуса деревни с более объективных и прогрессивных позиций. Именно представители этого направления выдвинули лозунг «новое время — новые песни», стремясь в своих работах доказать закономерность эволюции песен в пореформенное время⁷.

Г. И. Успенский, В. Н. Перетц, Н. А. Смирнов, И. Я. Львов и другие доказательными выступлениями в печати раскрывали необъективность, научную несостоятельность аргументов защитников песен патриархальной деревни, и к концу XIX века их мнения по-

⁴ См.: Отчет об экспедиции для собирания русских народных песен с записями в 1893 году Ф. М. Истомина и С. М. Ляпунова, СПб., 1894; *Михневич В. О.* Извращение народного песнетворчества. — *Ист. вест.*, 1880, т. 3, декабрь.

⁵ *Колпакова Н. П.* Песни и люди. Л., 1977, с. 109.

⁶ Отчет об экспедиции... Ф. М. Истомин и С. М. Ляпунов, с. 6.

⁷ См. напр.: *Успенский Г. И.* Новые народные песни. — *Рус. ведомости*, 1889, № 110, 23 апр.; *Львов И. Я.* Новое время — новые песни. Устюг, 1891; *Перетц В. Н.* Современная русская народная песня. СПб., 1893; *Смирнов Н. А.* Русские народные песни новейшего времени. СПб., 1895.

бедили окончательно. Собиратели и исследователи песен новой формации прежде всего не считали их ничтожными произведениями, в них «...есть и смысл, и ирония, иногда даже более глубокая, чем в старой песне...»⁸ Главное же, что новая песня по-прежнему оставалась отражением народной жизни, являясь «неизбежной, переходной ступенью...народного творчества, ...закономерным явлением, ибо появление ее вытекает прямо из условий исторической жизни народа»⁹.

Еще до возникновения дискуссии 80 — 90-х годов о старых и новых песнях передовые русские ученые отмечали новые веяния в народной словесности. Так, Н. Г. Чернышевский в 1854 году в рецензии на книгу Н. Берга «Песни разных народов», критикуя установку Н. Берга на собирание старинных и редких песен, призывал к активному собиранию всего бытующего в народном творчестве в современности¹⁰.

А. Григорьев в 1860 году в статье «Русские народные песни с их поэтической и музыкальной стороны» подчеркивал: «...мы еще не имеем права выбора между песнями, а должны собирать положительно все, без исключения даже фабричных и лакейских искажений»¹¹. В 1872 году Н. И. Костомаров, рецензируя сборник «Русские народные песни, собранные П. В. Шейном. Часть первая», обратил внимание на новейшие народные песни и призвал не пренебрегать ими, чтобы не быть односторонними и не вводить в заблуждение общественное мнение, «...будто бы народ наш по-прежнему поет свои старые архаические песни»¹².

Итак, итогом длительной дискуссии о судьбах народного песенного творчества конца XIX века явилось завоевание новой песней права на существование, записывание и изучение. Именно с этого времени песни пореформенной России начинают изучаться фольклористами¹³.

Поскольку новые песни до конца XIX — начала XX века почти не попадали в печать, неопределимо важны те немногочисленные собрания народного творчества, куда включались эти произведения. Одним из таких редчайших сборников являются «Отрывки из народного творчества Пермской губернии» В. Н. Шишонко, изданные в Перми в 1882 году. Песенные материалы, собранные учителями народных училищ Пермской губернии и опубликованные В. Н. Ши-

⁸ Смирнов Н. А. Русские народные песни новейшего времени, с. 25.

⁹ Перетц В. Н. Современная русская народная песня, с. 5.

¹⁰ См.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. в 15-ти т. М., 1949, т. 2, с. 291 — 316.

¹¹ Григорьев А. Русские народные песни с их поэтической и музыкальной стороны. — Отеч. зап., 1860, т. 4, с. 450.

¹² Костомаров Н. И. Велико-русская народная песенная поэзия. По вновь изданным материалам. — Вестн. Европы, 1872, т. 6, с. 552.

¹³ См.: Кузьминский К. О современной русской народной песне. — Этнографическое обозрение, 1902, № 4; Якуб А. С. Современные народные песенники. — Изв. отд. рус. яз. и словарей. Акад. наук, 1914, кн. 1; Янчук Н. А. Народная песня и ее изучение. СПб., 1914; Линева Е. Велико-русские песни в народной гармонизации. СПб., 1904, вып. 1.

шонко (он был инспектором народных училищ Пермской губернии), позволяют сделать ряд наблюдений, касающихся проблемы генезиса новейших песен¹⁴.

Песни пореформенной России, так называемые новые (новейшие) песни, как и песни патриархальной русской деревни, продолжают отражать народную жизнь во всем ее многообразии. Известно, что для России второй половины XIX века характерно все большее сближение деревни с городом. Вот «это-то влияние города на деревню и отношение народа к городской жизни и составляет главным образом содержание новейшей народной песни»¹⁵. Влияние города на деревню в условиях капитализирующейся России было огромным и касалось буквально всех сторон жизни народа. Крестьянство усваивало правила и нормы городской жизни далеко не по лучшим образцам, чаще в искаженном, утрированном виде. Формирование жизненных идеалов молодых деревенских жителей конца XIX века проходило под большим влиянием городского мещанства, купечества, мелкого служилого люда, которые, в свою очередь, старались копировать быт и привычки дворянства.

По языку и стилю песни новой формации развивают тенденцию, проявившуюся в народном песнетворчестве еще в конце XVIII века: песни все больше опираются на живой разговорный язык, с одной стороны, а с другой — все больше испытывают влияние литературы.

Деревенская молодежь, знакомясь с городской жизнью, в первую очередь стремилась изменить внешность, заменить крестьянский костюм на модный, городской; именно это обстоятельство бросается в глаза при знакомстве с новейшими песнями. Так, в песне, записанной на Кыштымском заводе Екатеринбургского уезда, девушка обращается к парню:

Ты иди, миленький мой,
В нову горницу со мной,

Снимай шляпу и сюртук,
Вешай, миленький, на крюк¹⁶.

В другой песне так описывается молодец, изображенный явным франтом:

Как на молодце
Капот бархатный,
Капот бархатный,
Жилет штучневый,

На русых кудрях
Шляпа черная,
Во правой ручке
Трость серебряна (с. 137).

Внешность и костюм самой девушки тоже не остались без изменений в новое время:

С по садочку
Шла девиса
С по-земному

Красависа,
На ей платьисо
Да беллетце,

¹⁴ О бытовании новых песен на горнозаводском Урале также см.: Пономарев С. М. Что поет про себя Приуралье. — Северный вестн., 1887, № 11, 12; Белорецкий Г. Заводская поэзия. — Рус. богатство, 1902, № 12.

¹⁵ Смирнов Н. А. Русские народные песни новейшего времени, с. 6.

¹⁶ Шишонко В. Н. Отрывки из народного творчества Пермской губернии. Пермь, 1882, с. 109. При цитировании сохраняется орфография источника. Далее ссылки на него даются в тексте с указанием страницы.

Полушалочек
Да алиетца,
Во правой руке

Розовой цвitik,
Во левой руке
Немецкой виерок (с. 310).

Помимо изменений во внешности и костюме героев пореформенная песня фиксирует многие новшества, касающиеся быта народа. В песню все больше включаются слова, обозначающие новые бытовые реалии. Из материалов сборника В. Н. Шишонко мы узнаем, например, о том, что народ весьма охотно начинает пользоваться многими благами цивилизации — почтой, газетами, журналами, железной дорогой и т. д. Например, в песне, записанной на Уткинском заводе, описываются удобства железной дороги:

Там чугунная дорога,
Приизведена в Петербурге,
В три ряда железны шины,
По ней бегают машины,

Восемнадцати вагонов...
Через час, через два
А много время через три,
Очутишься у Москвы! (с. 214).

Для песен новейшего времени характерными становятся упоминания о чае, кофе, самоваре и т. п. Так, герой одной из песен похвывается молодой женой, которая

...пива не кушает,
Зелена вина в рот не берет,
Только пьет она-
Кушает

Одного чаю-кофею,
По единому
По стаканчику,
По единому
Да по хрустальному! (с. 131)

Не всегда точно употребляются новые, неизвестные ранее понятия, термины, в результате чего в песне встречаются довольно курьезные вещи. Так, молодец обращается к своей милой:

Уж ты, школьная,
Да манерная моя! (с. 311).

Или:

Где ж ее извижу —
Сердце взрадуется,
Кровь во лице сполируется (с. 105).

Таковы некоторые черты внешнего влияния города на деревенский быт.

Песни сборника В. Н. Шишонко отражают и изменения, происшедшие в психологии людей пореформенного времени. Деревенская молодежь стала довольно презрительно относиться к своей трудной крестьянской работе и заметно идеализировать «легкую» городскую жизнь:

Брошу я свою деревню,
Поеду жить в Москву —

Там жить веселее, —
Забуду всю тоску (с. 263).

Город привлекает молодых людей и «чистой» работой, и различными развлечениями, как это видно из песни, записанной на Уткинском заводе:

Взяли бы Танюшку
За ручки,
Да повели бы ее
На Волгу, на легкую
работу,

Где гудки талаланки,
Где звучат балалайки
(с. 229).

Не без влияния города деревенские жители знакомятся с безграничной властью денег. Так, молодой человек собирается откупиться от рекрутства, для чего едет в город Верхотурье:

В Верхотурьи есть приемна,	А на стульях сидят судьи,
Во приемной — присутствии,	Сидят судьи мировые,
Во присутствии стоят стулья,	Держат книги деловые!

(с. 258).

Народная песня повествует нам и о том, что деревенская молодежь начинает все больше понимать необходимость и важность грамотности, об этом свидетельствует песня, записанная на Уткинском заводе: муж просит жену принести мила сына, чтобы отдать его

В Москву грамоте учить,	Чтобы при городе городничим
Мы не ради учебы,	быть,
Ради чести-хвалы,	При полке быть полковником,
Для большей красоты, —	При заводе быть приказчиком,
	Чтобы при доме быть
	хозяином! (с. 183)

В песнях пореформенного времени мы сталкиваемся с разрушением устоев крестьянской патриархальной семьи, в них выделяется образ независимой ни от кого в решениях и поступках девушки. Разумеется, в русской деревне конца XIX века, как и раньше, молодые люди вступали в брак в основном по воле и желанию родителей. В песне, записанной на Нижне-Уфалейском заводе, девушка на предложение молодого человека отвечает:

Это воля не моя,
А родителей (с. 171).

Однако героиня более решительно отстаивает свое право на любовь, даже неразделенную:

Я достойного люблю!
Люблю, любить его буду,
В какой бы ни было стране (с. 120 — 121).

В материалах сборника В. Н. Шишонко можно найти примеры глубокой любви, ради которой девушка или молодец не задумываются пожертвовать даже своей жизнью. Подобные ситуации встречаются и в традиционных любовных песнях, но в новейших особенно часто:

Я ж милому говорила,	Али возьми в руки пистолетиц,
Да любезному своему:	Прострели ты грудь мою;
«Если тебе, милой,	Я тобой буду довольна,
Не по ндраву я пришла,	Прекратишь ты жизнь мою
Сошли на свою сторону,	(с. 120).

Влияние городских правов сказалось и в том, что если девушке давалась свобода в выборе жениха, она отдавала предпочтение писарю или чиновнику. Так, в песне, записанной на Уткинском заводе, героиня ухаживает за писарем:

Она писарю	Да все казенные дела.
Да поклонилась;	Стала девушка мила,
Писарь не стерпел,	Красавица дорога,
Во след ей посмотрел:	Праву рученьку дала,
Бросил книги и бумаги,	За меня замуж пошла! (с. 242),

Или в другой песне:

Вдруг контора отворялась,	А на особицу един:
Тут девица появлялась,	«Здравствуй, писарь-
	господин!» (с. 311).

Она стала, помолилась,
Всем приказным поклонилась!

Таким образом, даже далеко не полный анализ материалов сборника В. Н. Шишонко «Отрывки из народного творчества Пермской губернии» показывает, что возникновение новых песен отнюдь не свидетельствовало об упадке народной поэзии в конце XIX века. Песни эти явились закономерным отражением новых жизненных условий России пореформенного времени. Отвечая чувствованиям и мыслям, эмоциональному настрою, психологическому состоянию человека нового времени, они продолжали свидетельствовать об активной творческой потенции народа.

В. А. ЛИПАТОВ
Свердловск

П. А. ШИЛКОВ И ЕГО ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

В последние десятилетия заметно возрос интерес к историографическим вопросам русской фольклористики: появились работы как обобщающего характера¹, так и посвященные проблемам собирательства произведений устного народного творчества в различных районах нашей страны². Однако, отмечая известные достижения в этой области, нельзя не видеть и существенных пробелов: по-прежнему невелико количество работ по истории областной фолькло-

¹ См.: Азадовский М. К. История русской фольклористики в 2-х т. М., 1958 — 1963.

² См.: Соколова В. К. Советская фольклористика к 50-летию Октября. — Сов. этнография, 1967, № 5, с. 44 — 51; Фольклор и литература Урала. Пермь, 1976, вып. 3, с. 91.